

Щупленков Олег Викторович

АДАПТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ "ПЕРВОЙ ВОЛНЫ"

Статья раскрывает содержание понятия "адаптация" и его трансформацию в сознании людей периода эмиграции. Основное внимание в работе автор акцентирует на социальном аспекте эмиграции, адаптационных возможностях эмигрантов первой волны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2010/2/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 115-116. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 930.85

Статья раскрывает содержание понятия «адаптация» и его трансформацию в сознании людей периода эмиграции. Основное внимание в работе автор акцентирует на социальном аспекте эмиграции, адаптационных возможностях эмигрантов первой волны.

Ключевые слова и фразы: адаптационные возможности; эмигранты первой волны; национальный тип.

Олег Викторович Щупленков

Кафедра истории, права и общественных дисциплин

Ставропольский государственный педагогический институт

oleg.shup@gmail.com

АДАПТАЦИОННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ПЕРВОЙ ВОЛНЫ»[©]

История России XX века будет не полной, если в нее не будет включен культурно-исторический пласт, оказавшийся не по своей воле вне родины. Речь идет о Русском зарубежье, небольшом островке русской национальной культуры, сохранявшимся долгие десятилетия. Память о духовном прошлом незаслуженно забытая должна быть восстановлена, ради грядущих поколений. До сих пор островки православной духовности сохраняются в Париже, Берлине, Праге, Софии, Нью-Йорке, Харбине, Аделаиде, Тунисе и еще множестве других мест, куда ветром изгнания было занесено русское зерно самобытности.

Наиболее актуальная для нашего времени цель — это осознание самого понятия «русский человек», анализ тех внешних условий, в которых оказались русские люди, находясь в чуждой этнокультурной среде, сумевшие не просто выжить, но сохранить себя, как совокупность общности, национально мыслящей, творчески активной и имеющей высокий духовный потенциал для развития. Столкнувшись с неблагоприятными процессами, разрушающими национальный фактор во всех его проявлениях, русские в диаспоре пытались делать правильные выводы, верно оценивать происходящее и старались вырабатывать иммунитет, для того чтобы сохранить свой этнокультурный организм, свою национальную идентичность. А сделать это, было нелегко.

Современный исследователь, давая характеристику процессам, происходившим в России в начале прошлого века, пишет: «О каком единении можно было говорить, когда шел бурный процесс классовой интернационализации, и следует помнить, что Российская империя развалилась не в период экономического кризиса или экономического упадка, а в период небывалого в истории экономического подъема... все шло на разлом... в период Гражданской войны, воспользовавшись случаем, так легко откололись от бывшей Российской империи Польша, Финляндия, Латвия, Литва, Эстония... Сто лет назад уже обозначились многие черты смутного времени, но почти никто не хотел этого замечать и каждый с ненужным энтузиазмом тянул на себя одеяло, каждый претендовал на роль спасителя, а Россию нужно было в первую очередь спасти от ее многочисленных спасителей» [3].

Национальный состав людей, ушедших за рубеж в первой волне в начале минувшего уже века, был достаточно разнороден. Помимо представителей великороссийского этноса, присутствовали практически все народы бывшей Российской империи и всех ее окраин. При преобладании по вероисповедному признаку лиц православных, среди эмигрантов были также католики, мусульмане и иудеи. В материалах о русской диаспоре встречаются упоминания о поляках-католиках, лютеранах, выходцах из Литвы, мусульманах-кавказцах [6].

Российская эмиграция послереволюционного периода рассматривала свое пребывание на чужбине исключительно как временное состояние, которое обязательно должно перемениться с изменениями в общей военно-политической ситуации в Европе и очередным, на этот раз победоносным походом Антанты против Советской России. Объективная историческая реальность показала утопизм этих расчетов, однако надежда на возвращение оставалась одной из самых долгих иллюзий российской эмиграции. Результатом этого стало появление и функционирование на протяжении 20-30-х гг. XX в. не только политических центров, союзов и группировок, но и создание самобытной образовательной системы, представленной целой системой учебных заведений во всей Европе и большим отрядом теоретиков и практиков отечественной педагогики.

Можно в свою очередь отметить, что для русских, оказавшихся в эмиграции, был характерен высокий процент образованности — примерно 2/3 имели среднее образование, почти все — начальное, каждый седьмой — университетский диплом [7].

Русские эмигранты несли с собой мысль о том, что на них возложена миссия, во-первых, спасения русской чести, во-вторых, непримиримости к силам зла, захлестнувшего их родину и, наконец, миссия свидетельства миру сути этого зла, грозившего всему человечеству. «Мы не в изгнании — мы в послании!» [2].

Проблема адаптации в эмигрантской среде первой волны стояла достаточно остро, когда смешивались в единую массу князья «голубой» крови и скромные пехотные офицеры, богатые землевладельцы, превратившиеся в бедняков, и местечковые босяки, ставшие миллионерами, знаменитые поэты, прославленные, уважаемые адвокаты и провинциальные чиновники.

«Большинство — бежало, им удалось скрыться в скромных профессиях извозчиков, грузчиков на железных дорогах и рабочих на фабриках» [4]. В Марокко в одном из французских монастырей автору приходилось слышать рассказы одного старого монаха-трапписта о «знаменитых» русских полковниках-таксистах в Париже.

Для представления полной картины эмигрантского склада необходимо учесть также и трудности чисто психологического свойства. «Эмигрант в большинстве случаев отказывается от среды, в которой он вырос и жил, оказывается в среде новой, не привычной для него со всех точек зрения. Он неизбежно испытывает шок, испытывает совершенно особое психическое состояние, которое можно охарактеризовать как синдром отчуждения» [5].

Еще одной из проблем, связанных с адаптацией, является социальная активность членов общества. Любая общественная среда рано или поздно создает различные партии, группировки, общественные организации. Люди начинают объединяться в различные комитеты, комиссии, у них возникает пресса, начинают работать фонды и т.д. Активность проявляется в притяжении друг к другу через личные контакты, помощь в устройстве на работу; съеме жилья; определении детей на учебу; при обращении за медицинской помощью; во властные структуры, в полицию; при оформлении виз, пропусков и паспортов; налаживается совместная хозяйственная деятельность по производству и сбыту товаров. Все это способствует сплоченности любой эмигрантской среды и укреплению внутреннего мира, что, в свою очередь, препятствует адаптации.

Следует отметить самое важное, на мой взгляд, обстоятельство, которое говорит больше, чем всякие социологические, экономические или культурологические данные, — осознание русскими людьми своей принадлежности к великой нации. Это качество было отмечено в официальных французских источниках: «Эмигранты сознательно стремились вести русскую жизнь. Даже попав в чужое окружение, они хотели жить, работать и творить, как неотъемлемая часть России, посланцами которой они себя считали» [Там же].

Положительный образ русского человека в эмигрантской литературе дополняется такими элементами, как: «...смирение, способность безропотно нести страдания, патриотизм, религиозность, искание царства правды, отсутствие узости европейского человека, бесхитрость, совестное содержание, органическая естественность и простота, предпочтение смерти рабству, отсутствие подражания чужому авторитету» [1].

В силу вполне определенных исторических и социальных процессов, как в России, так и за рубежом, происходят определенные изменения. Что-то уже безвозвратно утеряно, что-то разрушается буквально на глазах, однако какие-то процессы мы можем прогнозировать, предвидеть и контролировать.

Современной России, столкнувшейся с подобными и во много раз более сильными явлениями, направленными на разрушение своего этноса и прекращение национального бытия, может быть полезен опыт эмиграции. Все дело в том, сумеем ли мы этим лекарством воспользоваться, сумеем ли привить иммунитет, над созданием которого трудилась русская диаспора?

Список литературы

1. **Доронченков А. И.** Российская эмиграция «первой волны» о национальных проблемах покинутого отечества: очерки. Изд. 2-е. СПб., 1997. С. 39.
2. **Назаров М.** Миссия русской эмиграции. Изд. 2-е, испр. М., 1994. Т. 1. С. 3.
3. **Пайщиков А.** Предотвратит ли думою грядущее? // Победоносцев К. П. Великая ложь нашего времени. М.: Русская книга, 1993. С. 16-17.
4. **Половцев Л. В.** Рыцари тернового венца. Париж: Лев, 1980. С. 4.
5. **Поляков Ю. Л.** Адаптация и миграция - важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья: сб. М., 1996. С. 16.
6. **Ростислав, игумен.** Польская икона в Африке // Свет Евангелия. 1999. № 17. 24 апреля.
7. **Simpson J. Hope.** The refugee problem: report of a survey. L.; N.Y.; Toronto: Oxford Univ. Press, 1939. P. 85.

ADAPTATION OPPORTUNITIES OF THE RUSSAIN EMIGRATION OF “THE FIRST WAVE”

Oleg Viktorovich Shchuplenkov

*Department of History, Law and Society Sciences
Stavropol State University of Pedagogy
oleg.shup@gmail.com*

The article considers the content of the notion of “adaptation” and its transformation in people’s minds during emigration period. The author pays the main attention to the social aspect of emigration and to the adaptation opportunities of the Russian emigration of “the first wave”.

Key words and phrases: adaptation opportunities; emigration of “the first wave”; national type.